

Безымянный

Убийца ищет убийцу

Гладиатор

Безымянный

Убийца ищет убийцу

«Научная книга»

Безмянный

Убийца ищет убийцу / Безмянный — «Научная книга»,
— (Гладиатор)

Содержание

Глава первая.	5
Глава вторая.	8
Глава третья.	15
Глава четвертая.	18
Глава пятая.	23
Глава шестая.	27
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Автор неизвестный Убийца ищет убийцу.

Глава первая.

Оконная рама, вырванная взрывом из окна восемнадцатого этажа высотки на площади Восстания, устремилась вниз, обгоняя по дороге кучу мелких стеклянных осколков, которые дождем посыпались из окон трех этажей выше восемнадцатого и пяти – ниже. Рама набрала скорость, траектория ее полета превратилась в отвесную прямую. Со свистом рассекая воздух, она врезалась в крышу стоящей на площадке перед высоткой «ауди», пробила ее и застряла в машине, возвышаясь над ней, словно монумент, символизирующий разгул терроризма в нынешней столице России.

Грохот взрыва опередил звук от удара, и все, кто находился в этот момент на площади перед бывшим кинотеатром «Баррикады» и даже еще дальше от высотки – у входа в московский зоопарк и на самой территории зоопарка, той, что расположена ближе к Красной Пресне, – вздрогнули первый раз.

Посетители и обитатели зоопарка не слышали уже, как грохнула через несколько секунд оконная рама по крыше машины, и как машина отозвалась неистовым воем сигнализации. Зоопарк взорвался криками всех его диких аборигенов, поднявших такой гвалт, что старичку-пенсионеру, единственному обитателю трехкомнатной квартиры, расположенной примерно в километре от зоопарка, в глубине квартала, образованного улицами, сегодняшних названий которых пенсионер не помнил, но зато твердо знал их прежние, родные ему названия – улица Большевицкая, улица Заморонова и переулок Павлика Морозова, сразу вспомнился двадцать шестой съезд коммунистической партии Советского Союза и бурные продолжительные аплодисменты и овации, которыми зал стоя приветствовал докладчика, имя и фамилию которого пенсионер прочно забыл, о чем доклад – тоже, помнил только, что длился он часов шесть с тремя перерывами, во время которых выстраивалась огромная очередь у сортира... Старичок с интересом выглянул в открытое настежь окно, но, увидев только вереницу иномарок, сворачивающих с Большевицкой в Предтеченский переулок, плюнул вниз со своего второго этажа и с ожесточением уставился на экран телевизора...

Те, кто оказался ближе к высотке, вздрогнули второй раз от рева взбесившейся сигнализации в разбитой «ауди» и сработавшим вслед за ней звонком сигнализации расположенного на первом этаже высотки «Продовольственного», включившейся неизвестно от чего, несмотря на то, что магазин был еще открыт, и его залах было полно вечерних покупателей... В магазине вылетело два витринных стекла, женщины завизжали, мат мужчин иногда, на мгновение, перекрывал электрически бесстрастный звон сигнализации...

И только те из покупателей, кто находился в «молочном» зале продовольственного, выходящем окнами к зоопарку, а также – в двух смежных с ним, вздрогнули третий раз, когда перекрывая звон сигнализации, ругань продавщиц, визг перепуганных женщин, крики мужчин и отдаленный рев встревоженных обитателей зоопарка, разнесся крик, мало похожий на человеческий, если бы не четко слышимое женское имя, выкрикнутое этим голосом.

– На-а-дя-а! – закричал Иван, едва услышал грохот где-то на улице.

Уж ему ли не узнать звук взрыва примерно стограммового заряда аммонала, обычной начинки радиоуправляемой зажигательной мины ДРУЗ-5, которую он сам не раз применял, когда нужно было ликвидировать не особенно внимательных и не особенно разбирающихся в типах современных взрывчатых средств людей...

Иван сразу же почувствовал, что случилась беда. И беда эта прямо связана с его Надей, которую он всего неделю назад нашел, уже совершенно отчаявшись ее когда-либо увидеть...

Тогда у него не было такого тревожного чувства. Ощущение опасности было, боль от чувства одиночества была так же, как и острейшее беспокойство за судьбу Нади. Но такого, мгновенно накотившего на него чувства потери – не было. Он даже и представить себе не мог, что существует такое острое чувство безысходности...

С таким же, примерно, ощущением провожают взглядом камень, летящий в колодец... Только прибавьте еще жгучее чувство сиротства...

Разбросав нескольких мужчин, застрявших на его пути, Иван бросился к выходу...

– На каком этаже взрыв? – закричал он, увидев мужчину, вбегающего в магазин с улицы и опасливо поглядывавшего наверх.

– А черт его... – запнулся мужчина, испугавшийся перекошенного тревогой лица Ивана. – Высоко где-то грохнуло... Примерно – пятнадцатый-шестнадцатый или даже еще выше...

Он еще что-то говорил и даже кричал Ивану вслед, но того интересовал теперь только лифт второго подъезда... Если лифт не работает...

И едва Иван убедился, что лифт, действительно, не работает, он просто остановился, не в силах двинуться дальше. Теперь он был уверен, что взрыв прогремел на восемнадцатом этаже... И лифт не работает оттого, что в маленькой квартирке напротив лифта взрывом выбило дверь, взрывная волна пошла дальше, разворотила древнюю конструкцию лифта и повредила кабели...

Иван сел на бетонные ступени лестницы между первым и вторым этажами и сидел несколько минут растерянно, шепча еле слышно:

– Надя... Как же так?...

Потом он тяжело поднялся, еле заставив себя это сделать, и тихо побрел наверх. То и дело на него натыкались люди, выбегающие из квартир и контор, расположенных на втором этаже, на улицу. Таких было довольно много – бежали не столько спасаться от неизвестной еще опасности, сколько из желания не упустить главное из того, что снаружи происходит, из любопытства...

... На восемнадцатый этаж Иван добрел минут через десять. Наверх шел только он, остальные спускались вниз, и взглядывали на Ивана, как на идиота – сверху тянуло дымом. Слух о пожаре повыгонял людей из квартир, бросил их на лестницы подъезда.

Но Иван поднялся уже выше давки на лестнице. С восемнадцатого и семнадцатого этажей люди ушли в первую очередь, едва только увидели расплывающийся после взрыва по этажу беловатый дымок. Все они встретили Ивана на лестнице. Иван вглядывался в лица женщин, но ни одно из них не было похоже на надино лицо...

Огонь на восемнадцатом этаже уже гудел, словно в топке печи, раздуваемый сквозняком из повывлетавших на всем этаже окон.

Ивана встретил жар.

Едва он попытался пройти по коридору в сторону квартиры, в которой он оставил Надю, как загорелся паркетный пол у него под ногами. Иван все еще пытался продвинуться вперед. Языки пламени с косяков и раскрытых настежь дверей, тянулись к нему, как только он подходил чуть ближе, лизали джинсовую ткань одежды...

Он обмотал голову своей курткой, пряча от жара лицо, голову, но через несколько секунд понял, что куртка загорелась, и ее сейчас придется бросить. Терпеть жар уже было невозможно.

Иван уже не мог никуда бежать, его охватило сильное желание упасть на горящий под ногами пол и сгореть здесь заживо...

Он знал, что Надя горит где-то рядом, но помочь ей не мог...

В отчаянии Иван отбросил в сторону пылающую уже куртку, и жар ослепил его, заставил плотно зажмурить глаза, ресницы на которых тут же обгорели. Вспыхнули волосы у него на голове...

Резкий грохот ворвался Ивану в уши, и он почувствовал какое-то резкое движение раскаленного воздуха на этаже. На мгновение он приоткрыл глаза и увидел несущуюся ему навстречу стену огня...

«Все!» – успел подумать Иван...

Взрывная волна от взорвавшихся в трубах остатков газа, который успела перекрыть аварийная служба на магистральном газопроводе, подхватила его и швырнула вдоль коридора прямо на лестницу, по которой он прокатился почти до семнадцатого этажа...

Здесь его и нашли пожарные.

– Живой! – с искренним удивлением сказал молодой парень в пожарной каске, перевернув обгоревшего Ивана в тлеющей одежде вверх лицом и заметив, что глаза его открыты, а зрачки, хотя и застывшие, как у покойника, но все же немного двигаются.

Иван медленно перевел взгляд со стены на молодого пожарника...

– Крестный... – прошептал он.

– Что? – не понял парень в каске.

– Это Крестный... – повторил Иван, но обгоревшие губы слушались его очень плохо, слова получались невнятные, неразборчивые...

Парень-пожарный подставил ухо, но так ничего и не понял из его слов.

– Молчи уж! – сказал он Ивану. – Силы береги. Сейчас вниз тебя снимут...

Пожарник вызвал командира своего звена, сообщил о том, что обнаружил на лестнице около семнадцатого этажа раненного человека, объяснил – где именно, и заторопился дальше, в зону огня.

– Ну и угораздило тебя!.. – сказал он испуганно, еще раз взглянув на обгоревший голый иванов череп, бугристый и черный от сажи и пепла от сгоревших волос, и побежал вверх по лестнице.

Иван проводил его глазами.

«Крестный» – последней вспышкой мысли мелькнуло в его мозгу. Он даже не успел подумать, что обязательно отомстит Крестному за смерть Нади, но привычное ощущение готовности к убийству к нему вернулось, и он вновь превратился в хладнокровную, совершенную машину убийства, которая еще совсем недавно, прожив неделю с Надеждой, чуть было не стала человеком.

Крестный будет первым, кого он убьет после смерти Нади, решил Иван... Но это было бессознательное решение. Сознание его уже покинуло.

Глава вторая.

Через полчаса после организованного им взрыва в высотке на площади Восстания Крестный уже сидел на Арбате, в укромном кабинетике одного из многих в центре Москвы принадлежащих ему лично баров-ресторанчиков.

Ни один из них не имел даже собственного оригинального названия. Все они назывались одинаково и лаконично – «Бар» – и работали круглосуточно. Нельзя сказать, чтобы они приносили Крестному существенный доход. Главным источником его прибыли были, конечно, заказные убийства... За одну только ликвидацию председателя совета директоров известного во всей России «Интегралбанка» Сергея Кроносова заказчик заплатил ему столько, сколько арбатские ресторанчики приносили за год... Но и это были деньги, причем деньги живые и поступающие с завидной стабильностью.

Нет-нет, Крестный не был киллером и не убивал Кроносова сам. Как не убивал почти никого в своей жизни. Убивал Иван Марьев по кличке Отмороженный, убивали еще четыре десятка высокопрофессиональных киллеров, которые до недавнего прошлого работали на Крестного. Он только получал заказы и продумывал варианты исполнения этих заказов. Разрабатывал сценарии ликвидаций.

Из всех его «ребятков», как называл их Крестный, лишь Иван разрабатывал план ликвидации почти всегда самостоятельно. Иногда, правда, Крестный помогал ему своей информацией, своими людьми, своими связями, как, например, при организации ликвидации бывшего премьер-министра России Белоглазова, у которого были реальные шансы победить на выборах Президента России. Несмотря на мощнейшую охрану, Ивану удалось сделать в Белоглазова три точных смертельных выстрела с близкого расстояния и скрыться. Впрочем, выстрелы Ивана практически всегда оказывались смертельными. Но один, без прикрытия, без помощи «бойцов» Крестного, Иван не сумел бы тогда провести эту акцию...

С Иваном Крестного связывали отношения гораздо большие, чем – «заказчик – исполнитель». Да, Иван убивал людей, которых называл ему Крестный, а Крестный платил за это Ивану. Много платил. Работа Ивана была качественной, виртуозной.

Но убивал Иван не столько за деньги, сколько... Он сам бы не смог ответить, почему он их убивает. Наверное – потому, что ничего другого он не умел делать с таким совершенством. К тому же, убийство... Это было его внутреннее состояние...

Крестный знал это. Попроси он Ивана поработать бесплатно, тот согласился бы... Крестный был единственным для Ивана человеком, не то чтобы близким, но единственным, который знал, чем питается отмороженная в Чечне душа Ивана. Крестный берег Ивана, как берегут надежное оружие, никогда прежде не подводившее владельца.

Крестный сидел в небольшом отдельном кабинете, спрятанном в подсобных помещениях ресторанчика и размышлял в одиночестве...

Арбатские бары Крестного тем были и хороши, что главным достоинством каждой такой забегаловки была пара уединенных кабинетиков, о которых мало кто знал, кроме самых проверенных постоянных посетителей. Там можно было уединиться, можно было встретиться, с кем угодно, в стороне от ненужных глаз, можно было спокойно «ширнуться», трахнуть свою подружку или своего друга, если кому приспичило, можно было и серьезно поговорить, не опасаясь быть услышанным посторонними ушами.

Крестный не раз встречался с Иваном именно в том баре, где он сейчас сидел. Этот бар, ближний к Садовому кольцу, был одним из немногих в Москве надежных мест, где у стен ушей нет.

Ивану Крестный поручал самые сложные задания, о которых любой другой сказал бы: «Это невозможно?». И с полным правом отказался бы...

А Иван делал, и все у него получалось.

Ну, почти все... Кроме последнего раза, когда они с Крестным должны были ограбить тот же самый «Интегралбанк», в котором правительство разместило львиную долю первого транша стабилизационного кредита. Крестный тогда здорово перенервничал, когда Иван не появился в назначенном месте на джипе с двумя миллиардами долларов. Крестный уже чувствовал себя настоящим канадским миллиардером, владельцем небольшого тихого особняка на берегу озера Онтарио, на канадской стороне, между Оттавой и Торонто... В местах, любившихся еще с детства – по книгам и фильмам про индейцев, следопытов и зверобоев...

Но операция сорвалась.

Крестный не знал, почему... Но не по вине Ивана. Тот сделал все четко, в этом Крестный был уверен... В то, что Иван его «кинул», Крестный тоже поверить не мог и никогда бы не смог... Скорее кто-то третий «кинул» и Ивана, и его, Крестного...

В первый момент он решил, что Иван лажанулся в банке, как какой-нибудь начинающий щенок... Но успокоившись и трезво обо всем поразмыслив, Крестный понял, что ошибся, скорее всего, сам...

...Крестный взглянул исподлобья на мрачного верзилу-официанта с пустым взглядом из-под мохнатых бровей, когда тот принес заказанный им салат из крабов и бутылку «хванчкары»...

– Я поторопился... – сказал ему Крестный. – Я слишком спешил к этим деньгам...

Официант взглянул на Крестного, и во взгляде у него абсолютно ничего не изменилось, словно Крестный не произнес ни звука.

– И если кто-то и вмешался в то дело, так это мог быть только Никитин, тварь ментовская... Вспомнил, все же, Сальвадор, сучонок...

Официант еще раз посмотрел на Крестного пустым взглядом и вышел. Он был глухонемым. Крестный знал, что этот официант абсолютно надежен. Когда-то давно он настучал на одного из своих. Ребята хотели его шлепнуть, кстати, здесь же, в этой комнате. Но Крестный посоветовал оставить его работать в ресторане. Только слегка поучить... Ему отрезали язык и проткнули барабанные перепонки. Ничего. Лет пять уже служит нормально...

Когда-то майор госбезопасности Владимир Крестов служил вместе с Никитиным в отделе внешних операций и помотался с ним по свету немало... Внешних операций у госбезопасности хватало... В Сальвадоре они вдвоем с Никитиным разработали операцию по ограблению Национального банка... взяли тогда миллионов сто долларов... Два рюкзака долларами набили... Правда, хорошего из этого ничего не вышло... В руках подержали только.

Даже сейчас Крестный почувствовал старую, хроническую обиду на всех своих бывших сослуживцев по КГБ, которую он испытал, когда они взяли его с деньгами в аэропорту столицы Гватемалы. Он уже готовился расплатиться за старенький, но вполне надежный небольшой самолетик, который ему согласился втридорога продать вышедший в отставку летчик, прослуживший пятнадцать лет в Колумбии, патрулируя самые глухие районы, а заодно и наркотики иногда подбрасывая за хорошее вознаграждение, и вернувшийся в Гватемалу на своем частном самолете...

Тогда Крестов тоже ошибся, оставил Никитина в живых, когда деньги были уже у них на руках... А в результате, не сумел воспользоваться этим полумиллиардом франков. Никитин, придя в себя после удара по лбу пистолетом и увидев, что Крестова след простыл, настучал на него начальству. Крестова, конечно, взяли, но отделался он легко. Руководителем Южно-американской сети госбезопасности был тогда друг Никитина – Романовский. Он помог Никитину отмазаться от ограбления банка, а попутно пришлось отмазывать и Крестова... Деньги вот только отобрали все, до копейки, и они, конечно же, так и канули в неизвестность на счетах комитета госбезопасности... Романовский уверял, что отвез их в Мехико. Позже он обмол-

вился, что на эти деньги лет десять можно финансировать весь их штат в Западной Европе, все операции внешней разведки...

Беда в том, что сценарий ограбления «Интегралбанка» был почти точной копией той сальвадорской операции, только адаптированной к российским условиям... И Крестный имел все основания предполагать, что Никитин понял по развитию событий, чем они должны были завершиться, вычислил банк, на который должен был нацелиться Крестный... Остальное – дело техники...

Так что Иван был здесь ни при чем... Чем больше об этом думал Крестный, тем меньше допускал мысль, что Иван его «кинул» или сам «лажанулся»...

При чем был Никитин, занимающий с недавнего времени должность руководителя ФСБ. Генерал-майор Никитин. Тварь ментовская...

«Так, значит... Эти деньги накрылись, – уже в который раз констатировал Крестный сам для себя итоги неудавшейся операции по изъятию из России кредита, направленного в нее международным валютным фондом, – Ну и хер с ними! Нужно срочно придумать что-то еще. Ну, это не проблема. Деньги сейчас в России есть, а раз так, значит их можно взять. И я возьму, нет таких денег, к которым я не смог бы найти подхода. Но мне нужен Иван... Без него мне денег не взять... И теперь Иван будет моим...»

Крестный вспомнил взрыв, устроенный им в высотке на площади Восстания и довольно потер руки. Вот это, действительно – удачно!

Он налил себе еще стакан «хванчкары», с удовольствием выпил, поковырял вилкой салат... Потом откинулся на стуле и начал спокойно и обстоятельно вспоминать по порядку сегодняшнее утро...

Утро для Крестного было необычным.

Он своими руками убил сегодня человека. И даже не одного...

Это было событием для него.

Посылая убивать других, приговаривая к смерти сотни людей, убийства которых заказывали его клиенты, сам он убил фактически всего трех человек за много лет своей жизни в Москве в качестве одного из самых крутых, но мало кому известных лично авторитетов... Слышали о нем многие, знали – лишь несколько человек, через которых он получал заказы и деньги... Это была тайная, но, пожалуй, наиболее влиятельная фигура московского криминалитета, часто играющая главную роль в полных убийств и похищений криминальных партиях, разыгрываемых в столице.

А сегодня он сам провел ликвидацию.

И не кого-нибудь, а своего главного на сегодняшний день противника – Надьки, этой драной бабенки, забравшей себе слишком много влияния на Ивана. Крестный ее чуть было не шлепнул однажды, но...

Он поморщился.

Стрелять в живого человека для него было слишком страшно... Эта кровь... Этот вытекающий из прострелянной головы мозг...

Стоило все это только представить, как на него бешеными собаками набрасывались мысли о собственной смерти... Такой же, но еще более страшной...

А сегодня прошло как нельзя лучше...

Он даже и не видел ничего. А воображение свое он сумел обуздать. Смерть, которая наступает мгновенно, так, что человек не успевает даже осознать, что происходит... А потом все дотла сгорает в пожаре, неизбежно возникающем после взрыва... Такой конец не казался Крестному страшным. К тому же, смерть к Надьке пришла неожиданно, она умерла улыбаясь, с приятной мыслью о том, что Иван ее любит и заботится о ней... Хотя на этот раз о ней позаботился Крестный. Очень хорошо позаботился...

...Самое трудное было выследить, где Иван отлеживается, где прячет свою Надьку...

Квартира в высотке на площади Восстания была неизвестна Крестному лишь до вчерашнего вечера. Это была тайная берлога Ивана, где он отлеживался после заказанных Крестным ликвидаций или терактов, справляясь со своими воспоминаниями, со своей ненавистью к жизни... Чечня вновь забирала его к себе и не отпускала на улицы Москвы, порой, по несколько суток, а то и неделю... Иван день и ночь валялся на стареньком диванчике, не в силах вырваться из перемальывающих его вновь и вновь воспоминаний...

Крестный был уверен, что где-то в Москве у Ивана есть такая квартира. Но где?

Найти в десятиллионной Москве человека, который очень не хочет быть найденным, это, знаете ли, «простенькая» такая задачка, с которой ни один в мире Шерлок Холмс не справится...

Но Крестный рассудил по-житейски...

После того, как он не сумел застрелить Надьку в ее собственной квартире у метро Октябрьская, она должна была туда хоть пару раз, но наведаться. Ну, чтобы шмотье свое какое-нибудь забрать...

Один раз она там уже появлялась, выяснил Крестный у старушек, постоянно торчащих во дворе, замечающих все и всех, знающих все обо всех и помнящих то, что знают... Ее видели как раз в тот день, когда у Крестного с Иваном сорвалось ограбление банка... А потом мужик какой-то за ней зашел, вместе и ушли...

Крестный сразу понял, что это Иван, и аж зубами заскрипел от досады... Ищи теперь... Но потом расспросил, что в руках у них было, и успокоился. Старушки ответственно заявляли, что Надька с мужиком налегке шли, в руках ничего не было...

Раз так, решил Крестный, – вернется еще Надька в свою квартиру. Непременно, она забыла в ней какую-нибудь совершенно необходимую вещь...

Документы какие-нибудь... Или любимые трусы...

Все вышло именно так, как Крестный и предполагал. Он ее выследил...

Ему пришлось караулить неделю около ее дома. Но цель того стоила. А терпению и выдержке при выслеживании добычи Крестный обучился еще будучи стажером-лейтенантом КГБ и месяцами торча на наблюдательных пунктах возле тайника-контейнера в ожидании человека, который должен был прийти за находящейся в нем посылкой. И тот всегда приходил. Нужно было только дожидаться...

Поэтому Крестный не сомневался, что рано или поздно появится и Надька в своей квартире. Что он – баб не знает что ли?..

И она появилась. Но приехала не одна, а вдвоем с Иваном...

Крестного перекосило всего, когда он увидел, как прямо к подъезду подкатило такси, и вылезший из него Иван оглядывается по сторонам, а сам правую руку из кармана не вынимает...

О Надькиной безопасности заботится, сволочь!.. Тоже мне – Ромео нашелся! Телохранитель бабский... Влюбленный убийца!

На нем трупов – вагон и маленькая тележка, а он... Да какое там – маленькая... Вагон и еще вагон! В Чечне-то он что вытворял?

Доходили до Крестного слухи, что «Отмороженный» крошил там людей, как капусту, не разбирая – и чеченцев и русских... Говорили еще, что его чеченцы на арену каждый день выпускали, когда в плен он попал... А это значит, Иван каждый день убивал как минимум одного человека. В гладиаторском бою... Это, если схватка была одна, а если – две, а то и три?..

Ну, мать твою, цирк!.. Душа в нем, видите ли, зашевелилась!..

Крестный сплюнул... Как же это упустил он своего Ванюшу?.. Бабе этой отдал, проститутке какой-то из Парка Горького?.. И вот, пожалуйста – совсем парень от его рук отбился...

Крестный не знал даже, как теперь и подойти к нему с новым заданием. Было у него такое чувство, что пошлет его Ваня... Это в лучшем случае... А если Надюша Ванечке во всех

подробностях рассказала о своей первой и последней встрече с Крестным, Иван его не пошлет, а пришлет... Ведь Крестный ей тогда все прямым текстом изложил. Что Иван один, а их с Надькой – двое. Одному придется от Ивана отказаться. А отказаться не мог ни он, ни она... Даже, если б захотели отказаться – не смогли бы... Потому, что не головой такие вопросы решаются...

Нет, нет! Нужно ее убирать! Без нее, с глазу на глаз с Иваном, Крестный сумеет его убедить в чем угодно. Выдумывать версии, легенды и разрабатывать планы операций ему не было конкурентов в отделе внешних операций... Этим Крестный владеет виртуозно.

Увидев выходящего первым из подъезда Ивана с огромным баулом в руках и семенящую за ним Надю, Крестный даже засмеялся тихонько.

«Интересно, Ваня, как ты себе это представляешь? – подумал Крестный. – Семейная жизнь, да? Хороша семейка – киллер с проституткой!»

Они сели на такси и вырулили на улицу Димитрова. Крестный на облезшей шестерке-«жигулях» осторожно тронулся за ними. Хорошо еще, он сегодня на машине догадался приехать. А то мог бы и упустить их сейчас... Пока машину сумеешь поймать...

Такси с Иваном и Надей свернуло на Крымский вал и помчалось в сторону Парка... Крестный пристроился на одну машину сзади, чтобы не потерять их на перекрестке, застряв у светофора. Он мог бы держаться и вплотную, машина Ивану была незнакома, но рисоваться слишком откровенно перед Иваном, а значит и – рисковать, – Крестный не хотел. Он был человек осторожный.

Так, неразрывным тандемом промчались Зубовский и Смоленский бульвары, справа мелькнул Арбат, станция метро «Смоленская», потом поднырнули под проспект Калинина и выскочили уже на улицу Чайковского...

Крестный уже приготовился также лихо проскочить площадь Маяковского и Тверскую и гнать куда-нибудь до Самотёки... Но вскоре они свернули на Воровского, затем налево, еще раз налево и оказались на Герцена. Вновь показалось Садовое кольцо, но теперь такси, а вслед за ним и Крестный его пересекли и, сразу за перекрестком сбросив скорость, подрулили к высотке на площади Восстания.

Въехав в дальнюю от остановившегося такси аллею скверика перед высоткой, Крестный остановил машину и быстро выйдя из нее, поднял капот и склонился над ним, спрятав лицо от случайного взгляда Ивана. Тот, выйдя из такси, чувствовал себя, по-видимому, безопасно. Даже руку в кармане не держал...

Крестный усмехнулся. Ивану и не было необходимости постоянно сжимать в кулаке свой пистолет. Крестный прекрасно знал его способность выхватывать оружие мгновенно, и стрелять прежде, чем он увидит цель в прямом луче зрения. Иван по мишеням, едва замеченным боковым зрением, стрелял с такой же точностью, как в прямом секторе обстрела. И Крестному об этом хорошо было известно. Иван, даже стоя спиной к цели и прицеливаясь только на слух, выбивал девяносто из ста очков... Ровно на десять меньше, чем при обычной, нормальной стрельбе...

Поэтому стрелять, например, в Надю сейчас Крестный даже и не думал. Это было бы равносильно самоубийству. Через доли секунды в ответ на его выстрел прозвучала бы целая серия выстрелов Ивана. Стрелявший сейчас в Надю, получил бы как минимум четыре пули и упал бы, практически, одновременно с ней.

Крестный и не ставил перед собой такой задачи – убить ее сейчас. Сейчас его интересовало только – где прячется Иван и, соответственно, прячет ее... Остальное – дело техники...

От кого прячет? Да от кого угодно... Прежде всего – от смерти.

А если говорить конкретно, то от Никитина, прежде всего. Если тот вычислил Крестного, то, значит, вычислил и Ивана... И опасность теперь грозит и самому Ивану, и всем, кто рядом с ним...

«Вот на этой мысли и надо будет строить разговор с Иваном, когда мы с ним будем обсуждать, как нам жить дальше», – решил Крестный...

Подождав, когда Иван с Надей войдут в подъезд, Крестный поманил рукой пацана лет восьми, деловито направлявшегося в тот же самый подъезд с полиэтиленовым пакетом, из которого торчали два длинных батона и выглядывали горлышки трех полуторалитровых пластмассовых бутылок минеральной воды. Ручки облезлого пакета растянулись и грозили вот-вот порваться...

«То, что надо!» – подумал Крестный.

– Заработать хочешь? – спросил он.

– Сколько дашь? – сразу же спросил мальчишка, не интересуясь даже, что нужно сделать, чтобы заработать это «сколько»...

– Червонец, – ответил Крестный...

Мальчишка презрительно скривил губы...

– Подотрись! – бросил он Крестному и повернулся в сторону подъезда.

Крестный поймал пацана за руку.

– Десять дол-ла-ров, – медленно произнес Крестный, уверенный, что мальчишка не совсем его понял. Или десять баксов для этой сопли – не деньги? Ну, тогда – он сам ничего не понимает...

– Ну! – сказал пацан нетерпеливо. – Чего делать-то надо?

– Видел, перед тобой мужчина с женщиной в подъезд зашли? – спросил Крестный.

– Ну! – ответил пацан.

– Ты этого мужчину раньше здесь видел? – спросил Крестный.

– Ну! – ответил пацан.

– В какой квартире живет, знаешь? – продолжал «допрос» Крестный.

– Не-а! – ответил пацан.

– Узнаешь – десять долларов твои... – сформулировал, наконец, задание Крестный...

– Не врешь? – спросил пацан.

– Не-а! – ответил Крестный.

Но пацан смотрел все еще недоверчиво.

– Ну смотри... Обманешь – я тебя достану, – серьезно так пообещал пацан.

– Гадом буду! – возмутился Крестный таким предположением о его непорядочности в деловых контактах...

– Подержи пакет...

Пацан сунул в руки Крестному пакет со своими покупками и прямо с места в карьер рванул в подъезд, явно рассчитывая успеть на лифт вместе с Иваном и Надей, и тем облегчить свою задачу...

Крестный усмехнулся. Который раз он этим пользовался, и такой прием срабатывал в девяноста девяти случаях из ста. Пацанам всегда нужны деньги, и они всегда рады их заработать...

Именно заработать. Взрослый в такой ситуации просто зашел бы в подъезд, постоял бы там минуты три-четыре, потом вышел бы, назвал Крестному первый пришедший в голову номер квартиры и забрал бы у него «заработанный» таким вот образом червонец.

Но это взрослый. Любой пацан предпочтет действительно заработать этот червонец, пусть для этого придется даже пробежаться, высунув язык, по всем этажам сверху до низу и обзвонить все квартиры подряд... Пацанов Крестный хорошо понимал и всегда обращался к ним за помощью... И они ему всегда помогали...

Мальчишка выскочил из подъезда минут через семь и бегом помчался к спокойно покуривавшему в ожидании его возвращения Крестному.

– Давай. Червонец. – запыхавшись, выговаривал слова по отдельности пацан. – Узнал! На лифте с ними ехал. И вышел с ними тоже... Все узнал!

Для убедительности он еще и головой кивнул. Низко так. Чтобы у Крестного никаких сомнений не осталось, что и вправду узнал...

Он протянул руку за деньгами. Крестный вложил в нее десять долларов и сказал:

– Ну?

– Восемнадцатый этаж. Девяносто восьмая, – протараторил пацан, спрятал деньги в карман и, уцепившись за свой пакет, потянул его к себе.

Но Крестный не торопился его отпускать.

– Слушай, мужик, – сказал он. – Мне еще твоя помощь понадобится. Завтра. Поможешь?.. Не подведешь?.. Я заплачу...

– Сколько? – опять прежде всего задал пацан главный для себя вопрос.

– Останешься доволен... – улыбнулся Крестный. – Я не обижу...

– Сколько? – повторил пацан.

– Ну-у... Двадцать, – расшедрился Крестный. – Ты с утра подходи сюда, часов в девять... Мне этой женщине подарок передать нужно будет. У нее праздник завтра будет. Что-то вроде дня рождения. Ее Надей зовут. Надеждой. Люблю я ее, понимаешь... А сам не могу. Мы с тем мужиком, что с ней шел, не ладим... Сделаешь?

– Приду, – сказал пацан. – Завтра утром, в девять... Только ты не забудь деньги с собой взять... Отдай мой пакет...

И пацан убежал со своими батонами и честно заработанными десятью долларами.

Крестному он понравился. Хороший мальчишка. Сообразительный... Жаль даже немного, что именно он попался сегодня Крестному под руку... Его бы в школу киллеров, которую в течение нескольких лет держал Крестный, из него неплохой «боец» вышел бы... Жаль, жаль, что школа прекратила свое существование...

Глава третья.

...Утром Крестный был готов передать Надьке свой «подарочек». Небольшую зажигательную мину он уложил в контейнер, сделанный в форме большого грейпфрута, заехал с утра на базар, купил апельсинов, яблок, груш, бананов, винограда. Все это красиво уложил в купленную им на том же базаре плетеную корзинку.

В девять он был уже у высотки, сидел в машине и поглядывал на дверь второго подъезда, в котором находилась квартира номер девяносто восемь... Пацан появился минут пять десятого и, как только вышел из подъезда, закрутил головой, выглядывая Крестного.

Крестный высунулся из окна машины и помахал ему рукой...

– Подождешь немного? – спросил он пацана, когда тот подошел. – Хочешь, в машине со мной посиди. Покурим, поболтаем...

– Не-а, – сказал пацан. – Мамка увидит – уши надерет... Я лучше поиграю пока тут рядом. Позовешь, когда нужно будет...

– Идет, – согласился на это предложение Крестный. – Тебя как зовут-то?

– Артем Павлович, – солидно ответил пацан. – Мельников. А тебя?

– А меня – дядя Ваня, – представился пацану Крестный. – Только ты далеко не отходи, чтоб мне не искать тебя...

Крестный был уверен, что дождется момента, когда Надька останется дома одна. Пусть даже ждать придется до самого вечера. Пацан никуда не денется, в этом Крестный не сомневался. До вечера придется ждать, будет ждать своей двадчатки до вечера.

Но до вечера не пришлось ждать ни пацану, ни Крестному... Видно, судьбе тоже не терпелось посмотреть финальную сцену, затеянного Крестным спектакля... Хватило и двадцати минут.

Ровно в половине десятого из подъезда вышел Иван. Один...

Даже издали Крестный увидел, что у того Ивана, которого он знал и с которым провернул столько дел, не может быть такого выражения лица. По-житейски озабоченного. Хозяйского. Домашнего.

Не может быть у Ивана дома. Все его мысли о доме сгорели в Чечне. Вымыло их из его мозгов кровью тех, кого убивал Иван... Что может вырасти на пепелище? Неприхотливый дикий сорняк?

«Эдак он еще и ребеночка захочет родить... – раздраженно подумал Крестный. – И вообще о деле забудет. Обо мне... Идиот. Ведь он ничего не умеет, кроме того, как людей убивать... В грузчики пойдет? Ну-ну... Самое для него место. Лучше и не придумать. После десятков, а иной раз и сотен тысяч долларов, которые Иван имел от меня за каждое дело, садиться на пахнущие потом и воровством заработки грузчика?.. Ванюша, наверное плохо себе представляет, куда суется... В жизнь он суется!»

Крестный презрительно хмыкнул и с раздражением и в то же время с удовлетворением проследил, как Иван скрылся в дверях одного из отделов «Продовольственного», занимавшего весь первый этаж высотки. Судя по тому, что в руках у него был объемистый, но пока еще тощий баул, возвращаться собирался он не скоро. не раньше, чем этот баул основательно потолстеет.

«Праздничек себе решили устроить? А, ребяташки? – думал Крестный, вылезая из машины. – Ну-ну, праздники – дело хорошее. Я праздники люблю! Только, вот, старика Крестного не позвали. Это невежливо. Ведь не чужой человек Ванюшке-то, как ни как... Но я не обижаюсь... Молодость, она эгоистична... Забывает, что есть на свете старость. А той, ведь, тоже что-то надо...»

Крестный помахал рукой пацану и достав с заднего сидения корзинку с раскатившимися фруктами, постарался вновь разложить их красиво и аппетитно. Икебанистый, такой дизайн сделал...

Крестный опять хмыкнул, на этот раз весело. Собственный каламбурчик ему понравился.

«Вот мы с Артюшей сейчас эту икебану Надюше и преподнесем в подарочек. Чтобы от души икебануло... Раз уж у вас праздничек, ребятки, примите подарочек от старика Крестного...»

– Пойдем, Артюш, – сказал Крестный подбежавшему пацану, – поздравим тетю Надю.

Крестный подхватил корзинку, взял пацана за руку, и они скрылись в подъезде.

«Напрасно ты, Ваня о жизни задумался... – думал Крестный, пока они с Артемом, предвкушавшим момент обладания своими двадцатью долларами и ни о чем другом не думавшим, поднимались на лифте. – Жизнь – она такая сучка... Не каждый кобель ее трахнуть сумеет... Твое, Ваня, дело – смерть. Вот ее и держись. Она не обманет. Да ты и сам это знаешь... Что-то у тебя с головой, Ваня... Ну, ничего... Я помогу. Я сейчас, Ваня. Сейчас...»

На восемнадцатом этаже Крестный первым делом внимательно рассмотрел, как расположена на этаже девяносто восьмая квартира. Ее дверь оказалась прямо напротив лифта. Затем он спустился на один пролет лестницы ниже, к семнадцатому этажу, вручил корзинку с фруктами Артему и проинструктировал его.

– Позвонишь в квартиру. Тетя Надя спросит тебя сначала – кто это? Ничего не ври. Не умничай – что посылка, мол... Ей посылки неоткуда получать. Не откроет... Она женщина пуганая. Поэтому говори только правду. Дядя Ваня, мол, просил передать вам эти фрукты, чтобы вы не скучали... Она обрадуется, вот увидишь... Тетя Надя дверь откроет, а ты передашь ей корзинку. Она одна сейчас... мужик тот в магазин ушел... Ты все понял?..

– Что тут понимать-то! – буркнул Артем. – готовь деньги...

– Подожди, подожди! – остановил уже побежавшего было Артема Крестный. – Когда протянешь ей корзинку, скажи такую фразу: «Я вас тоже поздравляю...» Договорились, Артем Павлович?..

– Ну! – ответил пацан.

– Валяй! – отпустил его Крестный. – Фрукты не растеряй!...

А сам достал из кармана небольшой пульт, состоящий из импульсного генератора, выдающего единственную, строго зафиксированную частоту... Ту, на которую настроен детонатор...

Крестный напряженно прислушивался, спрятавшись за углом, и заботясь пока лишь о том, чтобы не оказаться в прямой видимости от Артема...

Он слышал, как тот позвонил в дверь, как сказал фразу про «дядю Ваню», как шелкнула и заскрипела, открываясь, дверь.

Тишина.

Голос Артема:

– Я вас тоже поздравляю!..

«Пора! – нервно задергал правой щекой Крестный. – Ну!»

Он нажал кнопку на пульте. И не дожидаясь фронта взрывной волны, бросился вниз по лестнице. Волна взрыва догнала его уже на семнадцатом... Его повалило на площадку перед лифтом.

Крестного переполняла радость от удачно совершенной работы, но улыбаться, вроде бы, ситуация не позволяла. Сразу после взрыва захлопали квартиры, зашумели голоса, завизжали женщины...

«Чего это я разлежусь, однако, как на пляже! – подумал Крестный. – Сейчас, ведь, припекать начнет. Надо пойти жильцов проинформировать, что рвануло что-то на восемнадцатом этаже... И что пожар...»

Огня Крестный еще не видел, дымом не пахло. Но Крестный знал, что пожар непременно случится. Мина-то – зажигательная...

Жильцы всех квартир, те, что дома оказались, высыпали в коридор. Поднявшийся на ноги Крестный пошел им навстречу с лестницы...

– На восемнадцатом пожар! – закричал он. – Где телефон?

– Что случилось?

Спрашивали сразу все, поэтому можно было не отвечать. Да Крестный и не собирался этого делать. Откуда, ему, в самом деле знать, что там случилось... Мало ли отчего пожары бывают...

– Не знаю! – кричал он, пытаясь спровоцировать панику. – Нужно пожарных вызывать! Где телефон? Сгорим все на хрен!

Кто-то бросился звонить, остальные ломанулись по квартирам, и минуты через две на лестнице, ведущей вниз, уже была давка.

Крестный понимал, что нельзя спрашивать, где находится черный ход, который его сейчас интересовал. Даже в такой напряженной обстановке у кого-то может возникнуть недоумение – почему, собственно, он сам этого не знает? А сообщать всем и каждому, что он не живет в этом доме, Крестный не собирался. Когда начнутся разборки с ментами, те сразу же обратят внимание на присутствие человека, который не является жильцом дома. Он и так уже достаточно нарисовался со своими криками: «Пожар! Пожар!»...

Но спрашивать ничего и не пришлось. Часть жильцов бежала в сторону, противоположную лестнице у лифта, куда-то в конец коридора. Направившись за ними, Крестный убедился, что там-то и находится еще одна лестница – вокруг грузового лифта, который не работал также, как, наверное, и пассажирский...

Лестница была узкая, без окон, застрять на ней в давке было гораздо более вероятно, но этот путь вниз больше устраивал Крестного. Встретаться с разъяренным, как предполагал Крестный, Иваном, который, наверное, пробивается сейчас наверх через поток спускающихся вниз жильцов, в его планы не входило...

Когда он, наконец, выбрался на улицу и уже садился в свою машину, появились первые пожарные машины. Крестный посмотрел наверх. Из окон восемнадцатого этажа выбивалось пламя...

«Ну, что ж, Ваня, – подумал Крестный, – до скорой встречи!»

И включил зажигание.

Глава четвертая.

...Иван ушел из больницы, в которую его отвезли вместе с другими, обожженными на пожаре, утром следующего после взрыва дня.

В больнице он сначала бредил, повторяя лишь два слова: то – «Надя», то – «Крестный». Его чем-то укололи, он затих и проспал до вечера, не почувствовав, как его осматривали несколько врачей. Иван не слышал, как они совещались прямо рядом с его кроватью и решили, что он очень легко отделался – незначительными ожогами кожи головы и более сильными ожогами кожи рук.

Их даже удивляло его бессознательное состояние, они пожимали плечами, но потом решили, что это результат нервного потрясения во время взрыва... Ивану сделали еще укол и оставили в покое...

...Иван проснулся, словно вынырнул из толщи вязкой непрозрачной жидкости, не пропускающей ни света, ни звука. Он долго лежал без движения и разглядывал потолок у себя над головой. Ни одной мысли не шевелилось у него в мозгу... Так он пролежал часа два...

Наконец, не выдержавшие неподвижности мускулы лица заставили его брови слегка дрогнуть, и тут же резкой болью отозвалась обожженная кожа на голове. И одновременно в мозгу вспыхнули два коротких слова: «Надя!» и «Пожар!», которые через мгновение уже слились в короткую мысль: «Надя умерла!»...

Иван резко сел на кровати, морщась от боли. Находиться в неподвижности он уже не мог... Мысль, которая только что возникла в его голове, гнала его из больницы, где все, во что упирался его взгляд, утверждало, что Надю можно было бы спасти, если бы он успел раньше... Иван знал, что это ложь, он понимал, что его Надежда умерла сразу, во время взрыва, а не во время пожара, но видеть больничную обстановку тоже не мог.

Он встал и рассмотрел, во что он был одет. Больничный халат, в зеленую полоску на сером фоне, и трусы – больше ничего...

Иван вышел из своей двухместной палаты, вторая кровать в которой пустовала, и заглянул в соседнюю. Там спали женщины. Одна из них открыла глаза и посмотрела на Ивана с недоумением... Иван сдержанно-вежливо кивнул ей, молча выругался и вышел...

С третьей попытки он нашел палату, в которой лежали мужчины, но ни у кого из них не оказалось одежды... Иван разозлился и решил разыскать какие-нибудь штаны, чего бы этот ему ни стоило. Вернее – их владельцу. Иван не хотел привлекать своим халатом внимания ни милиции, ни прохожих, когда покинет стены больницы...

Он спустился по лестнице на первый этаж и разыскал приемное отделение... На улице уже рассвело, хотя было всего часа четыре утра. Нянечки и санитарки еще не начинали свою утреннюю возню со швабрами, суднами, пузырьками с мочой и прочими больничными прелестями... В коридорах было пусто и тихо...

В приемном дежурный врач, мужчина лет тридцати пяти, спал, уронив голову на стол, напротив него сидела со спицами в руках пожилая медсестра и вязала что-то большое и позимнему пушистое..

– Ты это чего? – строго спросила она у показавшегося в двери Ивана.

– Мне бы одежду свою найти, – Иван слушал себя с удивлением, словно и не он говорил сейчас таким просящим, униженным тоном. – паспорт я в рубашке забыл... И страховка на квартиру там была...

– Сразу, что ль, не мог сказать, когда тебя переодевали?..

Иван хотел возразить, что он был без сознания, когда его привезли в больницу, поэтому сказать ничего не мог, но тут же понял, что в этом нет никакой необходимости. И даже смысла

нет. Поскольку никакого паспорта и никакой страховки в карманах его одежды, конечно, не было... Спор получился бы чисто теоретический...

Поэтому он промолчал, только принял еще более виноватый вид...

– На складе, значит, твоя одежда... Где ж еще ей быть?.. – буркнула медсестра. – До утра, что ль, дотерпеть не можешь?

– Беспokoюсь я, – промычал Иван, – не пропали бы мои вещи...

– Анну Иванну буди, раз приспичило... – медсестра хихикнула. – Пожалеешь, что в живых остался!... Она на складе сейчас и спит!..

И медсестра захохотала вслед Ивану.

Склад Ивану удалось разыскать минут через двадцать. Он порядком поблуждал по закоулкам первого и второго этажей больницы, натываясь на закрытые двери, заваленные хламом лестницы, заставленные кроватями коридоры... Склад оказался в подвале, где, несмотря на душную августовскую ночь стояла приятная прохлада, что Иван сразу же почувствовал обожженной кожей. Дверь склада была закрыта изнутри на швабру – самый надежный «замок». Открыть дверь, запертую таким образом не под силу было бы открыть и десяти таким как, Иван, – они могли бы ее только снять с петель или выломать вместе с косяком...

Иван принялся барабанить в дверь ногой, поскольку каждое прикосновение к коже рук вызывало резкую боль... Он барабанил минуту, не меньше, прежде чем за дверью раздался визгливый мат и в течение следующих трех минут Иван слушал чрезвычайно конфиденциальные и даже можно сказать интимные подробности о жизни не только своих родителей, но и бабушки с дедушкой, а также своих детей, которых у него никогда не было, а также братьев и сестер. Подробности касались, в основном их сексуальной ориентации, а также количеству случайных связей, которые они имели с представителями дикой и домашней фауны, что и привело, в конце концов к рождению Ивана.

Иван просто замер и заслушался, потому что это было что-то вроде соловьиной трели – природное и совершенное по форме...

– Анна Ивановна! – подал он голос, дождавшись паузы, – как бы мне деньги свои найти, что в одежде остались... Триста долларов...

– Нету здесь никаких денег! – тут же отреагировал только что мастерски матерившийся голос, причем совершенно спокойно, без всякого возбуждения. – А ты в чем одет-то был?

– Да ты эти деньги и не найдешь сама, Анна Ивановна, – попытался убедить ее Иван. – Они ж в подкладке зашиты были...

– А это уж не твоя забота, чего я найду, чего нет! – отрезала Анна Ивановна. – Ты вали отсюда, пока сторожа не кликнула...

Иван понял, что избрал неверную тактику и тут же ее скорректировал.

– Анна Иванна, ты сама уж, пожалуйста, не шарь, – просяще-испуганным тоном запрочитал Иван. – Не ровен час, уронишь... Доллары-то у меня вместе с гранатой спрятаны были...

Иван услышал, как загремела швабра по полу, визгливый голос вновь что-то заорал, но теперь уже Иван увидел его обладательницу. Дверь распахнулась. В ней появилась невысокая сухонькая старушонка, лет семидесяти-семидесяти пяти, в грязном мятом больничном халате неопределенного цвета, с всклокоченными седыми волосами и круглыми от страха и возмущения глазами.

Она выскочила из двери склада прямо на Ивана и он, морщась от боли в обожженных руках, поймал ее голову, зажал рот. Старуха продолжала кричать, но теперь это было лишь приглушенное мычание. Иван повернул ее голову на сто восемьдесят градусов. Мычание изпод его ладони сразу прекратилось...

Иван затащил старуху обратно в дверь, бросил ее тело у стены.

Одежда была разложена по полкам без всяких пакетов или мешков. На некоторых вещах Иван видел слой пыли, видно, ее владельцы давно уже не покидали больничных стен. Но

вообще вещей было гораздо меньше, чем предполагал Иван. В несколько раз меньше, чем больных, находящихся в стационаре. Но Ивана эта загадка не заинтересовала, ему нужно было как можно скорее выбираться из больницы, а для этого найти что-нибудь для себя подходящее.

Сначала под руку попадались сплошь женские вещи. Как будто это была женская больница. Иван сообразил, наконец, и начал поиски с другого конца полок. Минут через пять он выбрал себе джинсы по росту, правда – с вытянутыми коленями и разлохмаченные снизу, но на это было наплевать. Найти рубашку оказалось намного легче. А больше Ивану ничего и не нужно было.

...Когда он, уже одетый в найденное на складе барахло, покидал больницу, ее коридоры начали потихоньку оживать, наполняться стуком швабр и ведер с водой, звяканьем каких-то склянок и шумом наполняющегося водой бачка в туалете... Было уже часов шесть утра...

Иван не помнил, как он вышел на улицу, куда пошел, не узнал даже района Москвы, в котором оказался. Он просто шел, механически передвигая ноги и пугая редких встречных прохожих своим лысым черепом в пятнах ожогов и какой-то оранжевой мази...

Он долго шел без единой мысли в голове, просто наслаждаясь легким утренним ветерком, который обдувал прохладой его ожоги. Когда солнце поднялось чуть повыше, Ивана начал беспокоить его жар и он сделал самую естественную в такой ситуации вещь – спрятался от солнечных лучей в каких-то кустах, встретившихся на его пути. В кустах было прохладно и спокойно. Иван улегся, и, пролежав без движения с полчаса, задремал...

Иван проспал весь день и проснулся, когда солнце уже село. Голова его была абсолютно ясная. Кожа на голове немного болела, на руках – тоже, но это была ерунда для Ивана, выносившего прежде и не такую боль с упрямым терпением. Главное – он хорошо помнил все, что с ним случилось до взрыва, помнил, что его Надежда умерла, и помнил, что он это пережил...

Иван чувствовал, что рана, нанесенная ему взрывом, понемногу затягивается...

Он даже объяснял Надину смерть причинами, для обычного человека скорее мистическими, чем реальными. Он, Иван, предал свою Хозяйку – Смерть. Он захотел жить, и был наказан за это... Он просто забыл, что в жизни ему с его грузом воспоминаний, с его утопленной в крови душой, нечего делать. Его стихия – смерть, и жив он будет лишь до тех пор, пока она будет рядом... Просто он это забыл. И она ему напомнила... Иван чувствовал даже какую-то вину за это свое предательство...

Но это не значило, что он простил того, кто осуществил волю смерти и убил его Надежду... С этим он еще должен будет разобраться.

Иван не был до конца уверен, что это сделал Крестный. Надя рассказала ему далеко не все, из того, что произошло в ее квартире, когда к ней явился Крестный и пытался ее убить... Она только сказала Ивану, что еле спаслась от какого-то маньяка, который пытался ее застрелить, и что ей удалось его обмануть и убежать...

Когда Надя рассказывала, как он выглядит, Иван решил, было, что это именно Крестный... Но тогда полной уверенности у него не было. Она появилась только сейчас – после взрыва в высотке, и была, собственно, ничем не мотивирована... Иван решил разыскать Крестного и у него самого выяснить обстоятельства смерти Нади, если они, конечно, тому известны. Ну, что ж, и это тоже придется выяснить... Ну, если это Крестный!..

Иван сделал произвольное движение правой рукой, словно наматывал на кулак кишки из распоротого живота живого еще Крестного...

Он встал в каких-то кустах, огляделся... Как это его занесло на Ваганьковское кладбище?

Он ничего не помнил... И что за шмотье на нем одето? Господи, как это его в милицию не забрали в таком виде! Уже одним своим видом Иван нарушал существующий порядок. Первое, что неизбежно приходило на ум – сбежал от куда-нибудь. Скорее всего – из психушки... Туда и вернут, даже разбираться не станут...

Нужно было срочно переодеться... Для этого нужны были деньги.

Об оружии Иван не особенно беспокоился. В Москве у него было устроено шесть тайников, в которых лежало по полному комплекту его обычного вооружения, патроны, документы и деньги тоже...

Но Иван сам себя обманывал, сразу же и твердо решив, что из тайников брать деньги нельзя – это неприкосновенный запас. Остается только один вариант – деньги были еще в квартире Нади. Там же, кстати, хранились и пять пистолетов, тех самых «номерных», которые Иван забрал у убитых им «бойцов» Крестного, когда тот спровоцировал Ивана на участие в «игре» в охотников и зайца. А, ведь, Иван спас тогда этого старого засранца, которого чуть не задавили его же взбунтовавшиеся «мальчики»...

Цель для себя он сформировал однозначно – попасть в надину квартиру...

Если бы Иван мог наблюдать за своей психикой со стороны, он понял бы, что цель его совсем другая. Просто его защитный психический механизм не позволяет сформулировать ее в истинном виде.

Иван стремился быть рядом с Надей.

То есть – умереть.

Но он не мог себе этого сказать прямо, поскольку все его существование после возвращения из Чечни строилось на стремлении быть рядом со смертью, но не переступить черту, за которой наступают необратимые события, и его жизнь прекращается... Это было существование на лезвии ножа, динамическое равновесие, – на одной чаше весов было обостренное желание смерти, на другой – столь же острое желание ее избежать...

Желание быть рядом с Надей означало нарушение этого равновесия. Психика Ивана отказывалась пропустить в сознание мысль о сознательном стремлении к смерти. Происходила подмена – желания быть с Надей на желание быть в ее квартире...

Стремление Ивана в квартиру Нади – бессознательное, но неуправляемое стремление самоубийцы к намыленной веревке...

Взрыв в высотке разрушил сам принцип, на котором держалось его прежнее существование. Со смертью Надежды умер и сам Иван, только эта смерть еще не произошла в реальности. Она была где-то в ближайшем будущем, и Иван неуклонно приближался к ней с каждым днем, с каждым часом, сам того не подозревая.

Смерть постепенно вырастала в нем изнутри, на руинах тех ценностей, на которых держалась его жизнь последние годы...

И вторая мысль, которая возникла в его голове сразу после первой – «Надю убил Крестный!» – была, фактически, мыслью о самоубийстве. Все тот же защитный механизм не разрешал проникнуть в сознание Ивана желанию самостоятельно лишиться себя жизни, слишком развит был в нем инстинкт самосохранения.

Только этот инстинкт и позволил Ивану выжить в Чечне, вытерпеть все, что выпало на его долю и – не умереть, не сойти с ума... Только этот инстинкт разрешал Ивану убивать своих близких друзей, когда его заставляли это делать под угрозой смерти, и давал силы и способности побеждать соперника в ежедневных схватках на гладиаторской арене, когда его хозяин выставлял его без оружия против врага, вооруженного огнеметом... Только этот инстинкт помог Ивану не сойти с ума во время бесконечного заключения в чеченском «карцере», когда Ивана за попытку побега из плена посадили в выгребную яму под сортиром, и он несколько суток провел по горло в дерьме, повиснув, чтобы не утонуть в вонючей отвратительной жиже, на цепях, которыми он был прикован к столбам сортирной будки...

Инстинкт самосохранения нашел тогда единственно возможный выход для загнанного обстоятельствами в тупик сознания Ивана – изменить систему существовавших у него прежде ценностей, поставить выше всего то, что было реальнее всего в чеченской действительности.

А наиболее отчетливой реальностью для Ивана в Чечне была смерть. Смерть ходила рядом, она жила с Иваном. Смерть превратилась тогда для Ивана в основу его жизни, его дальнейшего существования...

Если бы Иван мог об этом размышлять сознательно, он понял бы, что конец этому существованию пришел гораздо раньше, – тогда, когда он встретился с Надей... А взрыв в высотке только изменил сценарий финала, который его ожидал в недалеком будущем...

Отмороженная душа Ивана, чуть отогревшись и оттаяв около Нади, потеряла ориентиры своей прежней жизни и вступила на путь, ведущий к ее концу – она захотела «забыть» о Чечне, смыть с себя чеченскую грязь и кровь, очиститься... Не понимая того, что вся эта пролитая Иваном кровь заменяла ей теперь сам воздух, необходимый для продолжения существования...

Иван неосознанно искал повода для того, чтобы побывать в надиной квартире, создать для себя иллюзию прежней близости с ней. И, конечно, повод нашелся – ему срочно нужны деньги. И хотя деньги можно было достать и в других местах, Иван направился именно туда, на улицу Димитрова, к метро Октябрьская...

... Он пришел туда под утро, проделав весь неблизкий путь от Ваганьковского кладбища пешком, но не замечая усталости.

Поднявшись в квартиру, которую он открыл спрятанным за косяком ключом, Иван не мог думать о Наде. Он вспоминал лишь о том, где спрятана пачка долларов и пистолеты. Вспомнив, он полез в ящик с инструментами – и ничего в нем не обнаружил. Оглядевшись вокруг, он заметил, что в квартире что-то изменилось, чего-то не хватает, хотя и не мог понять – чего именно...

Однако это его интересовало совсем мало. Иван забыл даже – ради чего он сюда пришел. Он закурил и, не отдавая себе отчета, что делает, лег на кровать, на который впервые почувствовал прежнюю власть над собой той женщины, о которой не мог сейчас думать.

О Наде он и не думал. Истинная причина все больше овладевала его сознанием, хоть он этого и не понимал. Он просто лежал и подчинялся какому-то неодолимому внутреннему желанию – закрыть глаза, не двигаться и впустить в свое сознание те картины, которых он в страхе избегал с тех пор, как познакомился с Надеждой...

Иван закрыл глаза и забыл о сигарете, застрявшей у него между пальцев.

На него вновь навалилась Чечня...

Глава пятая.

...Промозглое раннее осеннее утро разбудило Ивана, – лучшего во всей горной Чечне рукопашного бойца, воина-легенду, на котором его хозяин сделал огромное состояние и которым дорожил больше, чем женой, детьми и даже своим оружием, – противной сыростью, от которой на коже Ивана выступала роса и воем собак во всем затерянном в горах чеченском селении.

Болело плечо, из которого вчерашний соперник, труп которого сегодня лежал на дне ущелья, рядом с десятками других врагов, убитых Иваном, вырвал зубами клочок мяса в тот момент, когда его шейные позвонки хрустнули под пальцами Ивана. Но Иван привык не обращать внимания на боль. Он был жив, и это была единственная ценность его существования, остальное просто не имело значения...

Собаки надрывались то хором, то поодиночке, но Иван не слышал обычных хриплых криков хозяина, которыми тот умирал свою свору, сторожившую Ивана, не слышал ругани трех охранников, нанятых хозяином сторожить Ивана. Собакам разрешили выть, сколько угодно их собачьим глоткам, и это было странно, необычно.

Дальше утренние события начали развиваться еще более необычно.

Хозяин никогда не трогал Ивана по утрам, давая ему возможность восстановить свои силы для вечерней схватки. Один из охранников приносил ему полведра горячей похлебки и огромный кусок мяса, обычно баранины или козлятины, которую Иван сразу же отличал по специфическому пряному вкусу. На запахи он давно перестал обращать внимание и самый отвратительный запах воспринимал, как само собой разумеющееся, как и все остальное, что окружало его сейчас – длинную цепь, которой он был постоянно прикован к врытому в землю столбу и которую пытался время от времени разорвать, но она была слишком крепкой для него; автоматы охранников, постоянно нацеленные в его сторону; вечерние костры, которыми был очерчен круг арены для схватки; необходимость убить того, с кем судьба и желание его хозяина столкнет его сегодня вечером на этой арене...

Но сегодня хозяин пришел сам ранним утром в сопровождении двух охранников. Они уселись у входа в сарай, в котором содержали Ивана, и, как обычно, взяли его на мушку, пока хозяин находился близко от него. А хозяин присел неподалеку от лежащего на куче соломы и старого тряпья Ивана и начал что-то хрипло говорить по-своему, по-чеченски... Иван не знал его языка, но хорошо разбирался в интонациях его голоса, и четко отличал, например, возгласы одобрения от приказов, пусть даже и произнесенных ровным, спокойным голосом...

Но сейчас в голосе хозяина он слышал какие-то очень непривычные нотки. Тот словно жаловался на что-то Ивану, в его словах звучали обида и негодование... И это было тем более странно.

Иван перебрал в памяти события вчерашнего дня и не нашел никакой своей вины перед хозяином. Вчера он не отказывался от еды, не рвал свою цепь, схватку выиграл чисто, хотя, может быть, слишком быстро и не так зрелищно, как хотелось бы его хозяину. Но тот вчера вновь сорвал солидный куш на ставках, это Иван видел по тому, каким довольством светилось лицо хозяина, когда тот провожал победившего Ивана в его сарай и приковывал на цепь... Деньги были главным удовольствием в жизни его хозяина.

Нет, Иван был абсолютно ни при чем, случилось что-то, к чему он не имел отношения, но касалось это, судя по всему, именно Ивана...

Хозяин часто повторял слово «Асланбек». Иван знал, что Асланбек – имя старика, который неизменно сидел в центре группы самых почетных зрителей, ставок никогда не делал, но хозяин всегда платил ему часть своего выигрыша... Асланбек был очень стар, судя по всему, бешмет висел на его иссохшем теле мешком, даже седая борода была жиденькой, и как бы

выеденной временем, но глаза смотрели сурово, а на лице никогда не появлялось ничего похожего на улыбку или хотя бы, усмешку...

Асланбек, вероятно, был старейшиной рода, к которому принадлежал хозяин Ивана, вождем или кем-то, – черт их разберет, этих горцев, какие у них звания и должности существуют...

Иван не разбирался в таких тонкостях чеченской жизни, ясно было одно – Асланбек был самым уважаемым человеком для всех зрителей, что собирались вокруг арены смотреть ежевечернюю схватку.

Хозяин замолчал и начал теревить себя за ухо в явном замешательстве. Это был верный знак того, что сейчас он начнет говорить по-русски.

Иван смотрел на него внимательно, поскольку уже чувствовал, что ситуация серьезная и касается она его напрямую...

– Ты...

Палец хозяина уперся в грудь Ивана.

– ...русский свэнья, идешь с Асланбек... Его брат нэ хочэт дэньги... Он хочэт тэбя... Там...

Палец хозяина показал на потолок.

– ...ты сделаешь вэсело для Асланбек.

И хозяин вновь залепетал что-то по-чеченски. Из всех его дальнейших слов Иван разобрал только слово «деньги», которое чеченец, хмурясь, повторил раз, наверное, пятнадцать...

Хозяин встал, махнул рукой охранникам, те отковали Ивана от столба и под стволами автоматов перевели в другой сарай, на противоположном краю селения, рядом с самым большим в селении домом, вырубленным в скале и похожим на настоящую крепость. От этого дома веяло средневековым, войной, осадой, звоном булатной стали, запахом сгоревшего пороха и визгом пуль...

В каменном сарае, куда привели Ивана, его встретил седой старик, очень похожий на Асланбека, но заметно помоложе, он был не таким иссохшим. На поясе у него висел кинжал в старинных, искусно выделанных ножнах, в руке он держал какой-то странный пистолет.

Иван удивился, узнав парабеллум, огромный и неуклюжий, который в России встретить в употреблении теперь практически невозможно, разве что, у дилетантов, начинающих киллеров-самоучек.

Старик махнул пистолетом куда-то в сторону, и охранники приковали цепь Ивана к большому железному кольцу, вделанному в стену сарая...

Старик жестом удалил всех из сарая, в том числе и хозяина Ивана, и встал перед Иваном, глядя ему в глаза и не спуская пальца с курка парабеллума. Потом он поклонился Ивану и, к его удивлению, заговорил по-русски, гораздо лучше, чем Ивану вообще приходилось слышать когда-либо от чеченцев...

– Мой брат, великий воин Асланбек, умер ночью... Обычай велит мне проводить его в последнюю земную дорогу с великими почестями, достойными его величия... Ты будешь сопровождать его в святую Небесную Ичкерию, как дикий цепной пес, который веселит сердце хозяина своей злобой и ненавистью... В долине наших предков живут все великие люди, которые рождались когда-либо среди народа нохчиев. Аллах поселил их выше снежных вершин, среди небесных заоблачных гор... Пойти с Асланбеком – великая честь для тебя, раб... Тебя выбрали за твое искусство убивать и твою злость... В Небесной Ичкерии много великих воинов, и у всех них есть рабы, ушедшие с ними – служить им в стране предков.. Асланбек любит ваши веселые собачьи драки. Ты будешь веселить Асланбека своим искусством и своей злостью...

Он замолчал.

Молчал и Иван, понимая, что попал в безвыходную ситуацию... Он знал, что не имеет никакого смысла ни угрожать, ни, тем более, – просить этого старикашку, собирающегося сегодня похоронить Ивана вместе со своим сдохнувшим, наконец, старшим братишкой.

Иваном овладело бешенство от сознания своего бессилия. Он злобно задержал свою цепь. Подбежал к стене, намотал цепь на руки и, уперевшись обеими ногами в стену, начал изо всех сил тянуть вбитый в нее штырь, на котором держалось кольцо. Штырь не шелохнулся. Иван в ярости отскочил от стены и бросился в сторону старика, насколько хватила цепь. Когда она полностью натянулась, Иван подпрыгнул как можно выше и постарался ступней правой ноги дотянуться до ненавистной ему физиономии.

Ивану не хватило буквально нескольких сантиметров. Его нога в форменных спецназовских ботинках просвистела перед носом у старика. Натянутая цепь дернула Ивана назад, и он упал на каменный пол.

Старик удовлетворенно засмеялся, и несколько раз выстрелил в пол рядом с Иваном.

Иван вскочил и снова бросился на старика. Цепь вновь опрокинула его на пол.

– Молодец! – похвалил его старик. – Хороший зверь! Злой!

И вышел из сарая.

Охранники тут же притащили здоровенный чан с дымящейся водой.

Иван, не мывшийся в горячей воде, наверное, с полгода, смотрел с изумлением, как от воды поднимается пар. Даже на расстоянии от чана он чувствовал тепло, которое от него исходит...

Охранник бросил ему на пол кусок мыла и махнул стволом автомата в сторону чана – лезь...

Иван не заставил себя упрашивать. Его тело требовало горячей воды и плевать ему было на то, что должно случиться с этим телом через несколько часов. Старину Асланбека сопровождать в Небесную Ичкерия? Да хоть самого черта в ад! Сейчас Иван не мог думать ни о чем – только об этой горячей воде...

Иван снял ботинки – добротные, крепкие, надежно защищающие ноги от ударов о камни. От рубашки у него остались клочья, даже не прикрывавшие его тело, Иван содрал с себя эти лохмотья и отбросил далеко в сторону от чана. А форменные спецназовские брюки, тоже порядком изодранные, но еще не расплывшиеся на лоскуты, он не мог бы снять при всем желании.

Месяц назад кованный ботинок одного из соперников снес ему с левой икры кожу вместе с мясом. Чтобы унять кровь, Иван после боя сильно прижал к неглубокой, но обширной ране смоченный собственным мочой брезент штанины и держал так, пока штанина не прилипла. Эту процедуру ему приходилось повторять практически после каждого боя в течении всего месяца. От резких движений на арене брезент от раны отрывался, и она опять начинала кровоточить. После боя он опять унимал кровь проверенным уже способом, а потом не в силах был заставить себя оторвать брезент от раны – знал, что кровотечение возобновится.

Удивительно, но Иван, который на арене держал удары с поразительной стойкостью, вне боя боялся этой маленькой боли, которую должен был причинить сам себе... И теперь, когда нужно было лезть в воду, он не решился этого сделать. Но и отказаться от воды он тоже не мог. Поэтому Иван, не долго думая, залез в чан в брюках.

Охранники заржали. Иван даже внимания на них не обратил.

Горячая вода резанула болью по раненой ноге, но Иван быстро притерпелся к этой боли... Через некоторое время брезент брюк отмок и оторвался от раны. Иван, наконец, смог избавиться от осточертевших ему грязных и вонючих брюк. Он швырнул их подальше от чана мокрым комком, совершенно не думая о том, что через некоторое время ему придется во что-то одеваться...

Иван плескался в обжигающей воде, как щенок, не думая ни о чем, испытывая только блаженство от разливающегося по телу тепла, изгоняющего из него холод горных ночей, пробравшийся в самые кости. Цепь, прикованная к браслету на его правой руке, постоянно звенела, но Иван забыл о ней, как о досадной мелочи, присутствие которой не может испортить удовольствия от горячей воды...

Охранники, сидящие у входа посматривали на него с презрением, но стволы их автоматов, как и прежде, направлены были в его сторону. Слишком велика была слава Ивана, как непобедимого бойца, как убийцы без оружия, чтобы они могли хоть на миг забыть об этом...

Иван так увлекся свалившимся на него удовольствием, что не услышал автоматных очередей раздавшихся снаружи... Охранники вскочили и выбежали на улицу... Стреляли рядом, буквально – у входа...

Там явно шла перестрелка, в которой участвовали с десятков автоматчиков. Время от времени раздавались и звуки пистолетных выстрелов, в которых Иван узнал голос парабеллума брата Асланбека. Он сидел в чане с водой и прислушивался к тому, что происходит на улице... Смысла происходящего он не понимал, но отдавал себе отчет, что события развиваются помимо его воли, что хоть как-то повлиять на ситуацию у него нет никакой возможности...

Наконец снаружи раздались какие-то хриплые крики и все затихло. Минут через пять в сарай вбежал его прежний хозяин, увидел Ивана, сидящего в чане с водой, выругался по-своему и злобно заорал что-то на Ивана. Тот понял, что должен вылезти и с огромным сожалением покинул остывшую, но теплую еще воду...

Он стоял перед хозяином голый, от холодного воздуха нагревшееся тело покрывалось мурашками, Ивана начинало слегка трясти...

Хозяин опять выругался, выбежал наружу и через несколько минут вернулся с ворохом одежды. Иван узнал бешмет и рубашку, в которых только что он видел старика с парабеллумом. на рубашке видны были дыры от автоматной очереди, с расплывшимися вокруг них кровавыми пятнами... Хозяин зло закричал на Ивана, и тот принялся торопливо одеваться, потому что уже порядком дрожал от холода... Старик был чуть выше Ивана ростом и одежда висела на Иване мешком, но ему на это было наплевать так же, как и на кровавые пятна. Пачкаться чужой кровью ему не привыкать. Он с удовольствием натянул на себя эту одежду, еще хранящую тепло тела только что убитого человека, вместо своего рванья...

Ритуал сопровождения покойного Асланбека в Небесную Ичкерия отменялся, это Иван сразу понял, и это было сейчас самое главное... Смерть, которая подошла к Ивану вплотную, вновь отступила и теперь наблюдала за ним издали... Ждала своего момента.

Глава шестая.

Крестный знал, как разыскать Ивана во многомиллионной Москве...

Рано или поздно, но Иван, тоскуя без своей Нади, придет в квартиру на улице Димитрова. Квартира долго будет стоять без хозяйки, вообще без присмотра. По клочкам тела ее хозяйки, разорванного и разбросанного взрывом, а потом еще и обгоревшего в пожаре, опознать Надю не смогут, решил Крестный и был в этом совершенно прав. Ее исчезновение соседей не особенно насторожит. Бывало, что она и раньше пропадала по нескольку дней, а когда умерла больная мать – то и неделями...

Иван обязательно туда зайвится – душу себе травить. Тут-то и надо его встретить. И постараться прибрать к своим рукам.

«Главное – чтобы он меня сразу не пристрелил, не дав слова сказать... – подумал Крестный. – Ну, да: бог не выдаст – свинья не съест... Другими словами: авось прорвемся...»

Чтобы самому сутками не наблюдать за квартирой, Крестный нанял какого-то синяка, зимой жившего в котельных, а летом – в сараях и гаражах, за десять рублей в день. В микрорайоне он известен был как Савелич. Ни имени, ни фамилии его никто не знал. Только отчество. Да и то – бог весть – его ли? Савелич несколько раз в сутки проверял – есть ли кто в квартире? Делал он это очень просто – двумя мазками пластилина прилепил на щель между дверью и косяком волос, и каждые три часа проверял, цела его «контролька»? Как только кто-нибудь появится в квартире, Савелич должен послать Крестному сообщение на пейджер.

После третьего своего визита к двери квартиры, Савелич, измученный мыслью о невозможности открыть дверь и поживиться, чем бог пошлет, буквально обнюхал и облизал всю дверь вместе с косяками. К своему, скорее удивлению, чем к радости, он обнаружил в щели за одним из косяков ключ и без колебаний открыл дверь.

Следующие полтора часа он обследовал квартиру и сделал из нее несколько рейсов, переноса все, что рассчитывал выгодно продать, в укромное место в одном из гаражей неподалеку... Последние случайные прохожие давно уже добрались до своих домов, дворники еще досматривали предутренние сны, и поэтому челночные рейсы Савелича не привлекли ничего внимания...

На одной из антресолей над кухонной дверью он обнаружил ящик с нехитрыми бытовыми инструментами, и начал ковыряться в нем, прикидывая, почем можно загнать три отвертки, молоток и плоскогубцы на Тишинском рынке... Его рука, шарившая по ящику, наткнулась на какую-то перетянутую резинкой пачку. Савелич не понял, что это такое ему попало и поднес пачку к самым глазам, поскольку зажег он в квартире только маленькую настольную лампу, да и ту завесил каким-то покрывалом, чтобы свет не было видно снаружи... В руке у него были деньги. Прямо в лицо Савеличу смотрел кто-то из американских президентов. Как его имя, Савелич, конечно, не знал, но ему точно было известно, что именно этого старичка рисуют на сто долларовых купюрах.

Он так и уселся на задницу, растерявшись от своей находки. Такой суммы он отродясь в руках не держал... Год, наверное, можно пить, и то на опохмелку останется.

Судорожно сунув деньги в карман, он вытряхнул из ящика все, что там было и замер при виде вывалившихся к его ногам пяти пистолетов...

Через десять минут ящик стоял на своем месте на антресолях, все дверцы в шкафах и шифоньере были аккуратно закрыты, сдвинутые с места стулья водворены на свои места. Зачем все это он делал, Савелич и сам не знал. Просто ему было страшновато от того, что хозяин, или хозяйка, войдя в свою квартиру, сразу же увидят следы его непрошеного пребывания...

Он даже подумал, не сходить ли в гараж и не принести ли обратно телевизор, видеомагнитофон и другие вещи? С этой мыслью он и вышел из квартиры не забыв погасить лампу и ровненько свернув покрывало, положить его на свое прежнее место.

Выйдя на улицу, он вспомнил о пачке долларов, лежащей у него в кармане. Настроение его сразу улучшилось, и находка не казалась такой уж страшной.

Пять пистолетов, которые лежали теперь у него в полиэтиленовом пакете вместе с серебряными чайными ложками, консервным ключом и парой стаканов из тонкого стекла, представлялись ему хорошим товаром, за который на той же Тишинке можно получить солидный куш... Откуда ему было знать, что на пачку долларов, лежащую у него в кармане, можно было купить таких пистолетов ящиков пять... Да еще – с патронами к ним...

Смурного мужика с хитрыми глазами, который подвинул ему сторожить эту долбанную квартиру, Савелич решил послать к едрене фене вместе с его гонораром, которого едва хватило бы на пару бутылок водки... Он теперь этой водки купит столько, сколько захочет...

Стоило об этом подумать, как мучительно захотелось выпить... Савелич направился к ближайшему ларьку, в котором тускло тлел свет слабенькой лампочки, и забарабанил кулаком в окошко.

– Эй, часовой! – закричал он в окошко, уловив там, за пыльным стеклом какое-то движение. – Дай пузырек! Душа горит.

Савелич вытянул из пачки одну бумажку и тыкал ею в стекло. В открывшееся окошко выглянула заспанная женская физиономия и сонный голос ответил.

– Давай деньги другие, у меня сдачи нет...

Савелич растерялся и пробормотал:

– Какие такие другие? Там все такие.

За окошком последовала секундная пауза, затем из него резко вынырнула рука с раскрытыми ножницами и воткнула один конец ножниц Савеличу в горло...

– А-а-а... – захрипел он, отшатнувшись и заваливаясь на бок.

В ларьке хлопнула дверь, женщина лет тридцати с молотком в руке выскочила наружу и одним крепким ударом по затылку прервала хрип, издаваемый Савеличем. Потом подхватила его подмышки и утащила с освещенного тротуара в тень за ларьком...

...Не дождавшись очередного сообщения от своего часового у надькиной квартиры, Крестный понял, что пора вмешаться самому. Что там могло случиться с нанятым им Савеличем, его волновало мало, вернее сказать, совсем не волновало, но Ивана из-за этого он мог упустить, а это его несколько не устраивало.

Обнаружив дверь в надькину квартиру незапертой и лишь слегка притворенной, Крестный сразу же напрягся и сконцентрировался.

«Иван! – мелькнуло у него в голове. – Заметил Савелича и замочил его... Значит, зол сильно... Но идти к нему надо, а то потом не отмажешься от этого взрыва. Надо сейчас, пока у него мозги в раскоряку... Только бы не выстрелил сразу, не дав слова сказать...»

Крестный осторожно прошел в квартиру, молясь, чтобы дверь не заскрипела, но та к его радости открылась почти бесшумно. Озираясь в ожидании удара, Крестный шаг за шагом продвигался по квартире со все возрастающим недоумением – где же Иван? Неужели – пустой номер, и Савелич просто грабанул квартиру и скрылся?

Он уже почти совсем отчаялся увидеть Ивана, и шаг его стал уверенным и неосторожным, как вдруг в зале, который у Надьки служил одновременно и спальней, он обнаружил лежащего на неразобранной кровати Ивана в каком-то совершенно дурацком одеянии, явно с чужого плеча. Лицо его, лишённое бровей и ресниц, было спокойно. Волос на голове тоже не было. Глаза прикрыты...

«Спит? – подумал Крестный. – Вот это – ни хрена себе! А я-то думал, он места себе не находит, на стенку лезет... Видно дело еще хреновее, чем я думал...»

Он подошел вплотную к кровати, склонился над Иваном и хотел положить руку ему на голову, но, увидев на ней пятна ожогов, отдернул свои пальцы, уже почти коснувшиеся ивановой головы.

Иван, видно, почувствовал движение воздуха и, не открывая глаз, вскинул руку и точно ухватил Крестного за горло. Тот придушенно захрипел, заскреб руками по воздуху, пытаясь оттолкнуть руку Ивана, и наткнулся на его спокойный и холодный взгляд.

«Все! Пиздец! – подумал он. – Да отпусти же ты горло, дай слово сказать!»

– Твой брат убит, Асланбек... – пробормотал Иван. – А ты давно уже покойник. Я не пойду с тобой к очагу предков...

Иван внимательно смотрел в глаза Крестному, и тот заметил отблеск мысли, пробивающийся сквозь холод и мрак, который излучали его глаза. Крестный уже задыхался, но пальцы Ивана начали разжиматься, он, наконец, отпустил Крестного и резко сел на кровати.

Крестный по-стариковски закашлялся и замахал на Ивана руками.

– Ну, сынок! Разве ж так можно здороваться! – прохрипел он все еще придушенным голосом. – Ведь ты так и жизни лишишь своего старого друга...

– Тебя, суку, я сейчас буду медленно разрывать на куски... – процедил Иван, глядя на Крестного уже вполне осмысленным взглядом. – Ты сделал это...

Крестный прекрасно понимал, что нужно перехватывать инициативу, иначе Иван осуществит свою угрозу. Обещание, только что слетевшее с его губ, было недвусмысленным, но в глазах у Ивана Крестный заметил легкую неуверенность и понял, что сумеет оправдаться.

– Рви, Ваня! Рви на части меня, старика, если уж тебе так нужно душу отвести, злобу свою на мне спустить. Только поберег бы ты ее для той бляди, что этот взрыв устроила... Уж мне-то известно, чья это работа. Мне пол-Москвы информацию сообщают, а вторая половина адресок мой ищет, чтобы рассказать, что ей известно...

– Ты пытался ее убить, пока я взрывал газопровод и поджигал лес в Поволжье, – настаивал на своем Иван, но в голосе его никакой уверенности не было. – Она рассказала мне...

– А что ж она не рассказала тебе, как я ее от Никитина прятал? – перебил его Крестный. – Как караулил ее здесь, словно любовник молодой под окнами? Только для того, чтобы сокровище твое в лапы ФСБ не попало? Не я это был, Ваня. Прикрылся кто-то моим именем. Знаю даже – кто это. Тот же самый человек, что и высотку взорвал. За тобой ведь охотились, Ваня. Никитину – ты, как кость поперек горла встал. Он рад хоть как-то тебе насолить... Верные источники сообщают, что не ее Никитин хотел взорвать, а тебя... Обидно ему, видишь ли, что он тебя в банке упустил... Я эту тварь давно знаю. Самолюбив, как индеец, и жесток, как китаец... Мы же с ним не одно дело в Европе провернули двадцать лет назад. И не только в Европе. Да я же рассказывал тебе про эту падлу!..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.